

В.И. Бочкарева

**М.Н. ГЕРНЕТ О СМЕРТНОЙ КАЗНИ
(Из истории российской
«социологической школы в уголовном праве»)**

Статья посвящена анализу взглядов М.Н. Гернета на смертную казнь. Гернет — ведущий представитель российской «социологической школы в уголовном праве» — был противником казни как меры наказания и на основании обширного эмпирического материала делал вывод об отсутствии корреляционной зависимости между казнью и уровнем преступности в обществе. Преступность, ее уровень и характер обусловлены социальными, экономическими, политическими факторами, «фактором культуры» и не находятся ни в каком «соотношении со смертной казнью».

Статья предваряет текст заключительной главы монографии М.Н. Гернета «Смертная казнь» (1913).

В 1980-е гг. проблема применения судебного смертного приговора превратилась из внутрисударственной в международную. Прежде всего это относится к европейским странам, европейской культуре («наказание — фактор культуры»). Основополагающим документом Совета Европы является Конвенция о защите прав человека и основных свобод, ее действие распространяется на государства, являющиеся членами СЕ. В 1983 г. был принят Протокол № 6 к Конвенции, который обязал страны — члены СЕ к отмене смертной казни, за исключением случаев ее применения по закону во время войны или при угрозе войны.

В мире действует и противоположная тенденция, она связана не только с применением, но и восстановлением и расширением действия смертной казни (за перевозку наркотиков, импорт запрещенных товаров и др.). Так, смертную казнь применяют в «самой демократической стране» — США, она восстановлена в Непале, Гамбии, на Кубе, в странах с шариатской системой судов. Число казней в некоторых странах за последние годы увеличилось в 2,5, даже в 4 раза (Иран, Саудовская Аравия).

По УК РФ (1996 г.) смертная казнь как исключительная мера наказания предусмотрена за убийство, и в порядке помилования она может быть заменена «пожизненным лишением свободы или лишением свободы на срок двадцать пять лет» (ст. 59). Однако в связи с вступлением в СЕ и подписанием Протокола № 6 в России объявлен мораторий на смертную казнь, а по Постановлению Конституционного Суда (1999 г.) ее применение приостановлено из-за отсутствия суда присяжных в большинстве регионов. Таким образом, окончательного законодательного решения вопроса об отмене смертной казни в России нет.

Рост преступности в России, в том числе и «кровавой», привел к тому, что вопрос о применении казни стал активно обсуждаться в отечественных СМИ — в теоретической, эмоциональной форме, на уровне «здравого смысла». Что касается общественного мнения, то оно в основном выражает позицию «справедливого возмездия» (принцип «талиона») и в целом отрицательно относится к отмене казни, хотя, как свидетельствует статистика, данная мера не выполняет одну из основных функций наказания — предупреждения преступности. (В 1954 г. по ходатайству граждан и в целях охраны их жизни Указом ПВС СССР была введена смертная казнь за убийство. Но в 1956 г. было зарегистрировано 9649 убийств, а в 1991 — 25437, т. е. корреляции между казнью и «кровавой» преступностью не существует).

В связи с актуальностью данной проблемы стоит обратиться к началу XX века, когда вопрос об отмене казни в рамках «социологической школы в уголовном праве» активно разрабатывался «юристами-социологами» и прежде всего М.Н. Гернетом. Однако предварительно следует выяснить, чем был вызван интерес автора к этой «ужасной» теме и что предшествовало и сопутствовало появлению такого исследования.

Михаил Николаевич Гернет (1874–1953) принадлежал к той плеяде российских «юристов-социологов», которые в преподавательской и научно-исследовательской работе представляли социологическое направление в юриспруденции. Он обладал феноменальной памятью, исключительной эрудицией и работоспособностью. Обширное научное наследие Гернета включает 53 монографии и брошюры, 150 статей в журналах и сборниках, 23 статьи в энциклопедических словарях (в том числе 17 в Энциклопедическом словаре Граната), более 90 рецензий на труды русских и иностранных авторов; несколько его работ опубликовано за рубежом. И это при том, что с 1920 г. Гернет стал терять зрение, а к 1930 г. ослеп. Многолетние научные изыскания Гернета в той области знания, которая стала называться «социологической школой в уголовном праве», были связаны с изучением личности преступника (в том числе такой социально-демографической группы, как «детипреступники»), причин преступности, средств ее предупреждения, эффективности наказания (особенно тюремного заключения и смертной казни).

М.Н. Гернет родился в г. Ардатове Симбирской губернии. Его мать была народной учительницей, отец — административно ссыльным по делу Каракозова. В 1866 г. после ареста и заключения в Петропавловскую крепость он был выслан сначала в Вологодскую губернию и отбывал ссылку вместе с П.Л. Лавровым, Н.В. Шелгуновым, В.В. Берви-Флеровским [1], а затем в Симбирскую губернию, где впоследствии служил помощником управляющего Симбирским удельным ведомством. Жизненный путь отца, как позже отмечал М.Н. Гернет, во многом определил его интерес к проблемам пенитенциарии (тюремной системы, «тюрьмоведения»), изучению которой он посвятил несколько десятилетий. Итог его многолетней работы — пятитомная монография «История царской тюрьмы» (1941–1956), ставшая в наши дни библиографической редкостью). Издание двух последних томов после смерти М.Н. Гернета было осуществлено при содействии его жены — А.В. Гернет.

После окончания в 1893 г. Симбирской гимназии М.Н. Гернет поступил на юридический факультет Московского университета, где с середины 1870-х гг. право стало изучаться «позитивно-социологически». «Инициаторами позитивно-социологического изучения права» были С.А. Муромцев и М.М. Ковалевский [2, с. 140]. Правда, когда Гернет поступил в университет, они были уволены «за неблагонадежность» — Муромцев в 1884, Ковалевский в 1887 г. Но на факультете оставались сторонники социологического направления: А.И. Чупров, который не только читал лекции по политэкономии и статистике, но и вел семинар, где обучал студентов применять статистические методы при изучении преступности; а также такие «юристы-социологи», как Ю.С. Гамбаров, И.И. Янжул, В.М. Хвостов, П.И. Новгородцев. Социологическое направление в юриспруденции оказало огромное влияние на формирование научных интересов Гернета.

В целом научная судьба ученых-юристов из академической среды в дореволюционной России была во многом схожей. После окончания юридического факультета — подготовка к получению профессорского звания, научная командировка в Германию, «этот научный юридический питомник», а затем преподавательская и научная работа в университете и — увольнение «за неблагонадежность» или самовольный уход в знак протеста против «полицейских гонений» в университете. Этот путь прошел и Гернет.

В 1897 г. он блестяще окончил университет и был оставлен на факультете для подготовки к получению профессорского звания, в качестве специализации выбрал уголовное право и пенологию (науку о наказаниях). П. Сорокин писал в своей автобиографии, что после окончания юридического факультета Санкт-Петербургского университета при подготовке к профессорскому званию он выбрал уголовное право и пенологию в качестве основной специализации, «поскольку социологии не было в смысле дисциплины, одобренной администрацией» [3, с. 58]. Эти же дисциплины выбрали и Н.С. Тимашев и Г.Д. Гурвич, ставшие со временем социологами с мировой известностью.

В университете Гернет был награжден золотой медалью за работу «О влиянии юного возраста на уголовную ответственность», тема которой свидетельствовала о том, что научные интересы ее автора связаны не с изучением юридических норм, принципов и основных понятий уголовного права, а с социологией права. Интерес Гернета к такой социально-демографической группе, как дети, не ослабевал и в дальнейшей его научной работе. В 1911 г. была издана его монография «Детоубий-

ство. Социологическое и сравнительно-юридическое исследование», а в 1912 г. под редакцией и с предисловием Гернета вышел большой сборник «Дети-преступники».

В работе «Детоубийство» (убийство новорожденных) Гернет «с позиций социологической школы» поставил задачу исследовать «причины данного преступления» и личность преступника [мать новорожденного — *В.Б.*], чтобы «дать руководство законодателю к более правильному построению уголовного закона» [4, с. 276].

В основу статей сборника «Дети-преступники» была положена программа «Детская преступность и меры борьбы с ней», разработанная Гернетом для участников созданного им первого в России криминологического семинара. Сборник состоял из 3-х частей: «юридической» — об ответственности «юных преступников» по российским законам, «социологической» (самой обширной) — о «факторах», влияющих на состояние детской преступности, и «политической», где речь шла в основном о деятельности «детских судов» за границей и в России. Эта книга явилась «первым опытом» самого обстоятельного социологического исследования детской преступности и личности несовершеннолетнего преступника в России.

Изучение личности преступника в России началось именно с изучения несовершеннолетних преступников. В 1871 г. была опубликована работа А.Ф. Кистяковского «О замене для малолетних преступников тюрьмы — школою» [5], а в 1878 г. «Молодые преступники и учреждения для их исправления с обозрением русских учреждений» [6]. Но эти работы были посвящены анализу системы исправительных учреждений для несовершеннолетних в Англии, Франции (большая часть работы) и в России (в Петербурге, Москве, Киеве, Саратове). В 1884 и 1888 гг. были изданы две части монографии Д.А. Дриля «Малолетние преступники. Эюд по вопросу о человеческой преступности, ее факторах и средствах борьбы с нею» [7; 8]. Но в ней использовался лишь «иностранный материал». (Диссертация Д.А. Дриля «Малолетние преступники» не была принята к защите в Московском университете как «не юридическая диссертация», хотя за нее голосовали Ю.С. Гамбаров, М.М. Ковалевский, С.А. Муромцев, А.А. Чупров. Впоследствии Д.А. Дриль блестяще защитил ее в Харьковском университете). На титульном листе сборника «Дети-преступники» Гернет поставил посвящение: «Памяти Александра Федоровича Кистяковского и Дмитрия Андреевича Дриля».

После сдачи магистерских экзаменов Гернет получил звание приват-доцента и с 1902 по 1904 г. находился в научной командировке в Германии — в Берлинском и Гейдельбергском университете. Помимо Германии он посетил Францию, где читал лекции в Париже в русской Высшей школе общественных наук, созданной М.М. Ковалевским, изучал состояние преступности, знакомился с содержанием преступников во французских тюрьмах и написал статьи «Преступность во Франции», «Французские тюрьмы».

По возвращении в Россию с 1904 до начала 1911 г. Гернет работал на юридическом факультете Московского университета. После издания постановления Совета министров от 11 января 1911 г., которое запретило проведение студенческих собраний в высших учебных заведениях и требовало от полиции «принимать быстрые и решительные меры против них», ректор Московского университета А. А. Мануилов, проректор П.А. Минаков и помощник ректора М.А. Мензбир отказались от своих административных постов. По приказу министра народного просвещения Л.А. Кассо (который до 1910 г. занимал кафедру гражданского права в Московс-

ком университете) они были отстранены не только от административной, но и от научной и педагогической работы. В знак протеста 107 профессоров, доцентов и аспирантов покинули университет, среди них были Гернет, Новгородцев, Хвостов и другие выдающиеся ученые.

В своей научной и преподавательской работе Гернет активно включал социологию в изучение уголовного права. Классическая, традиционная юриспруденция много занималась нормами, догматикой уголовного права и мало — изучением преступника, преступности и наказания как социальных явлений. Включение социологии в уголовное право было чрезвычайно важной новацией и в теоретическом, и в практическом отношении.

В 1906 г. он защитил диссертацию «Социальные факторы преступности» (опубликована под названием «Общественные причины преступности»). В том же 1906 г. под редакцией Гернета, О.Е. Гольдовского и И.Н. Сахарова вышел сборник «Против смертной казни», где во вступлении подчеркивалось, что целью сборника является «агитация против смертной казни» [9].

Первые работы об отмене смертной казни, и прежде всего за политические преступления, были связаны с именами известных в России юристов: В.Д. Спасовича, автора «Учебника уголовного права» (1863) [10], где была дана история наказаний с призывом к отказу от смертной казни и полемика с ее защитниками, А.Ф. Кистяковского (отца «юриста-социолога» Е.А. Кистяковского), автора монографии «Исследование о смертной казни» (1867) [11], Н.С. Таганцева, автора курса лекций «Русское уголовное право» (1902) [12].

Издание сборника «Против смертной казни» в 1906 г. было не случайным. Революция 1905 г. — восстания, стачки, забастовки, волнения в армии — вызвала резкое усиление репрессивной политики государства. Не проходило недели без того, чтобы газеты и журналы не приносили сообщений о смертных приговорах и казнях по политическим мотивам, и конца этому мартирологу не было видно. Если с 1866 по 1892 г. в России (за 26 лет) суды вынесли 134 смертных приговора за политические преступления, то в 1905 г. их число составило 50, а в 1906 — 107. (Следует отметить, что установление числа смертных приговоров и казней в России представляло большие трудности, так как сведения эти не публиковались и собирались в основном по официальным правительственным сообщениям и газетным публикациям).

Смертные приговоры выносились за «издание революционной газеты», «принадлежность к боевой организации анархистов коммунистов», «заочно за агитацию» [9, с. 330–335]. Репрессивная политика вызвала резко отрицательную реакцию в обществе. В редакции газет и журналов поступала масса телеграмм и писем-протестов, в том числе и коллективных, от всевозможных обществ, союзов, собраний (рабочих, врачей, крестьян, студентов, духовенства, адвокатов, писателей и др.) Особенно взбудоражено общество было после расстрела П.П. Шмидта и его товарищей — только газета «Русские ведомости» получила более 22 тысяч писем-протестов.

В сборнике были опубликованы статьи русских ученых, писателей, политических деятелей, представителей церкви (В.С. Соловьева, В.В. Розанова, С.А. Булгакова, Н.А. Бердяева, М.П. Чубинского, П.Д. Боборыкина, В. Кузьмина-Караваева и др.). Их основные доводы в пользу отмены казни: по данным уголовной статистики, она

не достигает «цели устрашения», не ведет к сокращению преступности; она сознательно вводится «хозяевами жизни во имя поддержания призрачного в ней порядка» [Там же, с. 144]; она находится «в полном противоречии с умственным, нравственным и культурным развитием современного человечества» [Там же, с. 92]; «казнями не успокоишь и не удовлетворишь страну» [Там же, с. 72]; государство должно само ограничивать себя и не пользоваться средствами, «подражая самым закоренелым злодеям» [Там же, с. 113]. Кроме того, редакция при содействии М.М. Ковалевского обратилась («предприняла анкету») к знаменитым ученым, писателям, общественным деятелям Европы (профессорам Г. Еллинеку, А. Краузе, Э. Бутру, английским либералам, членам парламента Г. Вильсону и Э. Карпентеру, писателю А. Франсу, члену рейхстага Э. Бернштейну и др.). Все авторы, люди в основном умеренного буржуазного склада и привычек, консервативного и либерального направления, в своих ответах были единодушны — смертная казнь должна быть отменена. Это единодушие наблюдалось и в сходстве аргументации, и в стиле, и даже в отдельных выражениях, разницу можно было отметить только в «темпераменте» ответов. Пожалуй, единственным «осторожным» ответом был ответ на анкету профессора парижской Высшей Нормальной школы Э. Бутру — учителя Э. Дюркгейма. Бутру был знаком с литературой о смертной казни, принимал участие «в серьезных дебатах по этому сложному вопросу», но в своем ответе он «сознается», что «несомненной очевидности для меня нет ни на одной, ни на другой стороне». А если по поводу какого-то вопроса, как «говорит Кант, можно с одинаковым правом высказаться за и против, это значит, что вопрос поставлен неправильно» [Там же, с. 296]. Смертная казнь — это самое «гнусное наказание», но решение вопроса об ее отмене зависит и от общества — оно «должно стараться изменить тот порядок вещей, который приводит к репрессиям»; и от системы правосудия — люди только тогда уважают правосудие, «когда они в него верят» [Там же, с. 297]; и от людей — они должны научиться «не вредить друг другу», воспитывать в себе чувство «справедливости и долга». Отмена смертной казни «как вопрос политический остается таким же, каким он был в глазах Платона: вопросом морали и воспитания» [Там же, с. 297].

Сам Гернет опубликовал в сборнике статью «Борьба русского народа против смертной казни» и составленный им «неполный поименный список» приговоренных к смертной казни по политическим мотивам за период с 1826 по 1906 г., куда вошли 336 имен. Основной пафос сборника, в связи с ситуацией в России, был направлен на требование отмены наказания смертью за политические преступления. Гернет в своей статье дал оценку реакции российского общества на казни — «институт юридического убийства». Реакция общества была однозначна, протесты против казни «точно по заранее выработанному плану» поступали практически от всех групп населения, союзов и организаций. «Лишенные возможности собираться, как прежде, на свободные митинги, русские граждане прибегли на этот раз к печати и телеграфу. Страницы газет наполняются письмами протеста» [Там же, с. 231]. Единственно возможной реакцией властей и прежде всего Государственной Думы, если она действительно является органом народного представительства, подчеркивал Гернет, должна быть законодательная отмена казней. В применении к государственным, политическим преступлениям смертная казнь не только не уменьшает их, а напротив, увеличивает — «вместо одной погибшей головы вырастают

две новые» [Там же, с. 235]. Принципы, идеи не поддаются казни, а в населении она вызывает лишь чувство озлобления и желание мести.

Будучи противником казней, Гернет в 1909 г. вместе с известными юристами В.Д. Спасовичем, В.Д. Набоковым, М.П. Чубинским, А.А. Жижиленко, Е.Н. Ефимовым и др. пытался создать в России «Лигу борьбы против смертной казни» для борьбы за законодательную отмену этой меры наказания по образцу аналогичных организаций в Англии и Бельгии. Заявление о регистрации Лиги вместе с уставом были поданы группой юристов в «Особое городское по делам об обществах при-сутствии» Москвы, однако в учреждении такой Лиги им было отказано.

Гернет был членом президиума русской группы Международного союза криминалистов (президент группы — В.Д. Набоков), которая на своих съездах в Кие-ве в 1905 г. и в Москве в 1909 г. приняла резолюции об исключении казней «из нашего уголовного кодекса». Обе резолюции были опубликованы в 1909 г. в сбор-нике «О смертной казни. Мнения русских криминалистов», изданном по инициа-тиве «группы лиц от числа проектировавших учреждение в Москве «Лиги для борь-бы со смертной казнью» [13, с. 1]. В этом сборнике вопрос об отмене казней в отношении государственных, политических и религиозных преступлений уже был представлен как фрагмент более общей темы — абсолютной отмены казни как меры наказания.

В сборник были включены статьи и выдержки из работ (монографий, учебни-ков, статей) видных отечественных криминалистов: В.Д. Спасовича, В.Д. Набоко-ва, И.Я. Фойницкого, А.А. Жижиленко, П.И. Люблинского, П.Д. Калмыкова, М.П. Чубинского и др. Цель сборника — показать, насколько решительно и еди-нодушно «люди науки», русские криминалисты осуждали смертную казнь. Для этого сборника Гернет написал заключительную статью, составил список литературы на русском языке по вопросу о смертной казни. По его инициативе эта книга была переведена на французский язык.

Кроме работы над сборниками, Гернет публикует несколько статей — «Смерт-ная казнь» [14], «К статистике смертной казни» [15], «Смертная казнь и духовен-ство» [16], «Смертная казнь и народное представительство во Франции в конце XVIII века» [17].

В 1913 г. выходит его монография «Смертная казнь» [18], в 1914 — моногра-фия «Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества» [19]. В рецен-зии на эту книгу П. Сорокин, перечисляя работы Гернета, в том числе и «Смертную казнь», назвал его «крупнейшим представителем социологической школы в уго-ловном праве» [20, с. 424].

В 1914 г. появилось несколько работ, где преступление и наказание исследова-лись как социальные феномены: монография П. Сорокина «Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах поведения и мора-ли» [21], его статья «Законы развития наказаний с точки зрения психологической теории Л.И. Петражицкого» [22], работа Н.С. Тимашева «Условное осуждение» [23], А.А. Жижиленко «Наказание, его понятие и отличие от других правоохрани-тельных средств» [24] и др.

Монография «Смертная казнь» явилась итогом многолетней исследователь-ской работы Гернета. В ней собран богатейший исторический, статистический ма-териал, дан анализ законодательства, условий применения смертной казни в раз-

ных странах, в том числе и в России. Принципиальная и последовательная позиция Гернета как противника казней была основана на анализе причин преступности и средств борьбы с ней, на данных уголовной статистики, фактах, наблюдениях, позициях и мнениях видных отечественных и зарубежных криминалистов, психологов, отчетах порочных врачей, выводах комиссий по судебным реформам, газетных сообщениях. Статистические исследования позволили автору проследить влияние применения высшей меры наказания на состояние преступности в целом в разных странах, выявить динамику тех преступлений, которые наказывались казнью), аргументировать вывод о том, что колебание преступности находится «вне всякой зависимости» от применения высшей меры наказания, а ее отмена не приводит к росту преступлений. Сокращение преступности в той или иной стране связано прежде всего с факторами общественного развития — экономическими, социально-политическими, культурными и др. Гернет согласен с Г. Тардом, что преступность — «это тень, отбрасываемая обществом». Смертная казнь полностью бессильна в борьбе с государственными, политическими, религиозными преступлениями, но она не является средством борьбы и с другими тяжкими преступлениями — не уменьшает их количество, а инициатива отмены казней в кодексах и юридической деятельности парализуется, как правило, тяжестью многовековой практики ее применения, принципом «талиона».

Это самая древняя мера наказания, и предусматривалась она законами за самые разнообразные, причем не только тяжкие преступления. Так, по Законам Хаммураби (II тыс. до н. э.) казнь назначалась за длинный ряд преступлений, в том числе и за лжесвидетельство, поджог, нарушение женой супружеской верности, непорочно построенный дом, укрывательство беглого раба, «пролом в доме» и др. По Законам XII Таблиц (451–450 гг. до н. э.) казнь применяли за кражу, лжесвидетельство, «истребление урожая», предательство, невозвращение долга (должника «разрубали на части»). Что касается Новой истории, то в XVIII веке в Германии и Австрии по Уложению Карла V казнь могла применяться по 44 составам преступления — за «сочинение пасквилей», двоебрачие, порчу межевых знаков и т. д., а по английским статутам в начале XIX века — за порубку деревьев, увечье чужого скота, письменные угрозы, кражу белья, «повешенного на задних двориках». Активный процесс сокращения составов преступления, за которые могла применяться казнь, ее замена, практическое неприменение и вообще изъятие из «лестницы наказаний» начался в первой четверти XIX века.

Гернет особо подчеркивал, что казнь противоречит принципам «современной карательной политики», прежде всего принципу индивидуальности наказания. Конечно, всякое наказание затрагивает не только осужденного, но и его близких. Но наказание казнью затрагивает не только близких, но и большой круг лиц, совершенно посторонних для осужденного (судей, присяжных, врачей, чиновников, которые должны присутствовать при ее исполнении, «с трудом находят палача»). В 1926 г. в статье «Казнь женщин в Париже, осужденных за шпионство в 1917 году» Гернет говорит о 4 таких случаях и дает описание смертной казни одной из самых «знаменитых» женщин-шпионок — Маты Хари и поведения «посторонних» для осужденной людей: монахини, которая сопровождала ее на казнь со следами слез; пастора, который от волнения не мог говорить; одного из 12 солдат — участников расстрела, который после залпа «упал в обморок» [25].

Смертная казнь, подчеркивал Гернет, полностью противоречит принципу реабилитации, «восстановимости наказания» в случае судебной ошибки (а они, по данным уголовной статистики, не так уж редки). Она способствует «нравственному разложению» общества: инициирует и оправдывает самосуд, насилие, жестокость, отрицательно воздействует на детей, которые, подражая старшим, начинают «играть в казнь». Гернет разделял опасения В.Г. Короленко, что в обществе, где казнь является законной мерой наказания, она начинает восприниматься как простое «бытовое явление».

Позиция Гернета как «противника смертной казни» не изменилась и после Февральской, и после Октябрьской революции 1917 года.

В мае 1917 г. он написал статью «Революция, рост преступности и смертная казнь». Гернет назвал Февральскую революцию самой «бескровной» в истории человечества. Всегда и везде «дни революции» были страшны своей анархией, когда «неистовая толпа», теряя человеческий облик, становилась и судьей, и палачом. В России первое время после революции «всюду было полное и ничем не нарушаемое соблюдение порядка» [26, с. 9]. В марте 1917 г. Временное правительство отменило смертную казнь по всем составам преступления. Однако через два месяца после революции в стране стали появляться признаки «страшной анархии». «Под флагом политической борьбы» начались беспорядки, «рознь», призывы к неповиновению, самоуправству, самосуду. Гернет приводит случаи такого самосуда, в том числе и расправ, совершенных над невинными людьми «по ошибке». Но казни не исправляют общества и не спасают от преступлений, независимо от того, совершаются они по суду или без суда, правительством или «дикой толпой».

Гернет обращается к истории российского революционного движения. В XIX веке декабристы в проекте конституции и наказе Временному верховному правительству выдвигали требование отмены казней, а Пестель в «Русской Правде» писал, что в России «смертная казнь никогда не должна быть употребляема». Отмены ее требовала и «революция 1905 года». Первая Государственная Дума единогласно приняла решение о приостановлении смертной казни по всем делам в общих и военных судах вплоть до принятия закона об ее отмене «раз и навсегда». Но Дума была распущена, а с 1906 г. началась «вахханалия» применения казней по суду и без суда и карательными отрядами, и по приказам генерал-губернаторов. Число казненных только за один 1907 или 1908 г. превысило «число казненных во всех европейских и американских государствах, вместе взятых» [Там же, с. 13].

Волна массовых протестов против смертных приговоров охватила всю Россию. Смертные приговоры приводили к рабочим забастовкам, в которых «число бастовавших достигало иногда нескольких десятков тысяч» [Там же, с. 15]. Гернет особо выделяет тот факт, что в России против казней всегда выступала «русская печать», она же горячо приветствовала ее отмену в марте 1917 г., и даже в период роста преступности в ней не было «ни одного слова в защиту воскресения палача» [Там же, с. 5]. Всегда яркими защитниками смертной казни выступали только те, «кто защищал погромы» — «Союз Русского Народа». Эта партия «умоляла царя о сохранении смертной казни», а ее члены получили разрешение «смотреть, как будут вешать осужденного убийцу министра Столыпина» [Там же, с. 16]. Но снизить преступность в обществе казнями и самосудом нельзя, уровень преступности опреде-

ляется экономическими причинами, условиями жизни людей, состоянием правовой системы, «политическим состоянием нашего отечества». Преступники «не могут быть лучше общества» [Там же, с. 27], а государство получает таких преступников, каких оно заслуживает.

После Октябрьской революции в 1919 г. Гернет возвратился на должность профессора кафедры уголовного права Московского университета, работал консультантом отдела социально-правовой охраны несовершеннолетних Народного комиссариата просвещения, а с 1921 по 1930 г. заведовал отделом моральной статистики ЦСУ.

В 39 томе Энциклопедического словаря Граната [27] была помещена его статья «Смертная казнь», в которой он использовал материалы своей монографии 1913 г., но в ней дана оценка и новым реалиям послереволюционной России. Так, сравнительно с дореволюционным российским законодательством, подчеркивает Гернет, область применения смертной казни стала «более широкой».

В российском законодательстве первое упоминание о казни встречается в Уставной Двинской Грамоте 1397 г. в одном случае (за кражу, совершенную «в третий раз»), Соборное Уложение 1649 г. применяет угрозу казни уже в 63 случаях, Военский устав Петра I (он применялся не только в армии, но и в гражданских судах) — в 200 артикулах (нормах). Но в России раньше других стран смертная казнь по всем составам преступления была отменена Указом Елизаветы в 1754 г., которая не прибегала к казни даже для расправы со своими политическими противниками. Начиная со времен правления Екатерины II Указ 1754 г. стал истолковываться как не относящийся к политическим преступлениям (казнь Мировича, Пугачева, массовые казни участников пугачевского восстания, казни декабристов и др.). Уложение 1845 г. снова вводит смертную казнь. Уложение 1903 г. сохраняет прежнюю карательную систему, в том числе и смертную казнь.

Февральская революция 1917 года отменила ее указом Временного правительства от 12 марта, но указом того же правительства она была восстановлена на фронте для военно-революционных судов. Октябрьская революция отменила казнь 28 октября 1917 г., но в том же году «она очень быстро вводится фактически». Распространению казней содействовало учреждение революционных трибуналов и ВЧК. Назначалась она в самых разных случаях «и в порядке т. н. расправы, и в целях "красного террора"». При отсутствии уголовного кодекса круг преступных деяний определялся «не точным перечнем их, а общим указанием рода их (контрреволюционные, должностные преступления)» [27, с. 589]. Оспаривать подсудность по этим делам запрещалось. Ссылаясь на отчеты о деятельности военных трибуналов, Гернет пишет, что «наказание расстрелом применялось не только за тяжчайшие преступления против государства, личности, имущества, но даже за пьянство и буйство» [Там же, с. 591]. Что касается ЧК, то здесь круг применения расстрела был еще шире и неопределеннее: «В органе Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (Еженедельник чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, № 1-61918) встречаются случаи расстрела за шулерство и обыгрывание в карты, проигрыш в карты народных денег, служение панихиды по Николаю Романову, за принадлежность к классу буржуазии, за рецидив-воровство и пр.» [Там же]. УК РСФСР 1922 г. сохранил казнь по делам военно-революционных трибуналов. В том же году расстрел был отменен в отношении несовершеннолетних и бе-

ременных женщин.

Поскольку статистика смертных казней в России не публиковалась, Гернет приводит сведения о числе казненных за все составы преступления в дореволюционной России («по газетным и др. подсчетам»: в 1906 — 574, 1907 — 1139, 1908 — 1340, 1909 — 717, 1910 — 126, 1911 — 73, 1912 — 126, 1913 — 33. Данные о числе казненных после революции Гернет приводит по отчету Народного комиссариата юстиции IX Всероссийскому Съезду Советов. Так, в 1920 г. гражданскими революционными трибуналами было приговорено к расстрелу 1811 человек; военно-революционными трибуналами в 1921 г. — 3949, губернскими — 1231, военно-железнодорожными — 240, Верховным трибуналом — 31 человек, «сюда не вошли расстрелянные чрезвычайными комиссиями» [27, с. 594].

Гернет считал, что при «оценке смертной казни» доводы сторонников и противников казни — юристов, философов, историков, богословов, а также политических деятелей на партийных съездах и в парламентах, где обсуждение проектов отмены, сокращения или расширения смертной казни «всегда сопровождалось подробными и горячими прениями» [27, с. 595], сводились к следующим позициям. Сторонники казни выдвигали требования «справедливого возмездия» и целесообразности — «соображения практического характера», указывали на утилитарные причины: казнь — самое радикальное и «дешевое» решение проблемы борьбы с преступностью. Как сторонники, так и противники казни пытались разрешить спор ссылками на тексты священного писания, на «веление Бога». Сторонники казни часто ссылались на Канта, который считал наказание категорическим императивом, а смертную казнь — «справедливым талионом за убийство». Но теории материального возмездия — «жизнь за жизнь» (в Библии «око за око»), как и соображения целесообразности, не соответствует «устоям современного уголовного права», современным принципам системы наказания, не считаются с причинами преступности, формами виновности, данными криминальной психологии. И кроме того, применение смертной казни не снижает преступности в обществе.

Наука уголовного права в оценке смертной казни, как и средств борьбы с преступностью, должна опираться на объективные данные о действительности. Так, история смертной казни доказывает ошибочность утверждения о ее устрашающем, сдерживающем воздействии на преступность. Устрашающие казни в истории человечества как возмездие за вину (с причинением страданий «рукою палача») оказались бессильными перед убийствами, разбоями, политическими и религиозными преступлениями. Гернет подчеркивает, что статистика смертных казней в Бельгии, Франции, Англии и других европейских странах, где она в XIX веке была «правильно поставлена», показывает, что отмена казни не ведет к увеличению преступлений. В Голландии, Норвегии, Бельгии после отмены казни количество убийств уменьшилось. Уменьшение преступности, в том числе и тягчайшей — «кровавой», связано с «общим ростом культуры» и не стоит «в каком либо соотношении со смертной казнью» [Там же, с. 596].

Гернет повторяет те доводы в пользу отмены казни, которые он приводил и в монографии 1913 г., но делает «дополнения», относящиеся уже к действительности послереволюционной России. Так, перечисляя, каким основным принципам современной системы наказания противоречит казнь, например принципу «восстановимости» наказания (судебные ошибки далеко не редки), он добавляет, что су-

дебные ошибки в таких случаях встречаются тем чаще, «чем с большей поспешностью отправляется акт судебного разбирательства», а такая поспешность и «отступление от общего нормального порядка разбирательства особенно часто наблюдается при преследовании за политические преступления» [Там же, с. 598]. А говоря о том, что казнь «сеет одичание» в обществе, развращает народ и даже детей, для которых «игра в казнь» становится «обычным развлечением», он добавляет, что казнь развращает народ не только там, «где совершается публично, но и там, где прячется, забирается в углы тюремных дворов, в закрытые помещения, где совершается по ночам, крадучись, как само преступление» [Там же].

Довод о «неисправимости» опасного преступника в пользу сохранения казни, по мнению Гернета, вызывает возражение трудностью определения «неисправимости» и возможностью создать все условия для неизбежной, длительной и «полной изоляции опасного преступника от общества» при соблюдении принципа неизбежности наказания.

Заканчивает Гернет свою статью словами: «История смертной казни показывает, что это наказание вымирает и что окончательное его исчезновение из законодательств, продолжающих сохранять смертную казнь, лишь вопрос времени».

В этом номере публикуется пятая, заключительная глава монографии «Смертная казнь» — «Общая оценка смертной казни». Текст главы воспроизводится без купюр по оригиналу изданной книги. В этой главе Гернет дает оценку общественного мнения и исследует вопрос о том, насколько верными являются представления в обществе о высшей мере наказания как факторе, который сдерживает рост преступности. Приведенные данные уголовной статистики, факты, «сухие цифры», авторитетный голос науки, как подчеркивает Гернет, свидетельствует о том, что борьба с преступностью путем жестокости, насилия, казней не приводит к желаемой цели. Эти данные подводят теоретический фундамент под практический вывод о необходимости правовой отмены казней, исключения ее из применяемых мер наказания.

Литература

1. Королицкий М. Ссылка Лаврова // Вестник Европы. 1916. № 1.
2. Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996.
3. Сорокин Питирим. Дальняя дорога: Автобиография. М.: «Тerra-Terra», 1992.
4. Гернет М.Н. Детоубийство. Социологическое и сравнительно-юридическое исследование. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1911.
5. Кистяковский А.Ф. О замене для малолетних преступников тюрьмы — школою // Киев: Киевский вестник, 1871.
6. Кистяковский А.Ф. Молодые преступники и учреждения для их исправления с обзором русских учреждений. Киев: Тип. И.И. Завадского, 1878.
7. Дриль Д.А. Малолетние преступники. (История новейших учений). М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1884.
8. Дриль Д.А. Малолетние преступники. (Общая психология преступности). М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1888.
9. Против смертной казни. Сб. статей под ред. М.Н. Гернета, О.Б. Гольдовского и И.Н. Сахарова. М: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1906.
10. Спасович В.Д. Учебник уголовного права. СПб.: Тип. И. Огризко, 1863.
11. Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни. Киев: Унив. тип., 1867.
12. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. СПб.: Гос. тип., 1902.

13. О смертной казни. Мнения русских криминалистов: Сборник с приложением указателя литературы на русском языке о смертной казни. М.: Типо-литография «Русского товарищества», 1909.
14. Гернет М.Н. Смертная казнь // Право. 1905. № 32.
15. Гернет М.Н. К статистике смертной казни // Право. 1907. № 31.
16. Гернет М. Смертная казнь и духовенство // Право. 1908. № 36.
17. Гернет М. Смертная казнь и народное представительство во Франции в конце XVIII века // Право. 1908. № 37.
18. Гернет М.Н. Смертная казнь. М.: Тип. «Я. Данкин и Я. Хомутов», 1913.
19. Гернет М.Н. Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества. М.: Мир, 1914.
20. Сорокин Питирим. Проф. М.Н. Гернет. Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества («Итоги науки») // Вестник Европы. 1916. № 5.
21. Сорокин Питирим. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах поведения и морали. СПб.: Я.Г. Долбьшев, 1913.
22. Сорокин Питирим. Законы развития наказаний с точки зрения психологической теории Л.И. Петражицкого // Новые идеи в правоведении. Сб. 3. СПб., 1914.
23. Тимашев Н.С. Условное осуждение // Вестник Европы. 1915. № 4.
24. Жижкиленко А.А. Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств // Вестник Европы. 1915. № 6.
25. Гернет М.Н. Казнь женщин в Париже, осужденных за шпионство в 1917 г. // Право и жизнь. 1926. № 2-3.
26. Гернет М.Н. Революция, рост преступности и смертная казнь. М.: «Начало» 1917.
27. Гернет М. Смертная казнь // Энциклопедический словарь Гранат. 7-е изд. До 33 тома под редакцией проф. Ю.С. Гамбарова, проф. В.Я. Железнова, проф. М.М. Ковалевского, проф. С.А. Муромцева и проф. К.А. Тимирязева. Том 39. М.: Тип.: «Пролетарское слово» (предположительно конец 1920-х гг.)*

* Словарь под названием «Энциклопедический словарь Гранат. 7-е издание» стал выходить в 1910 г. под редакцией «проф. Ю.С. Гамбарова, проф. В.Я. Железнова, проф. М.М. Ковалевского, проф. С.А. Муромцева и проф. К.А.Тимирязева». В 1910 г. изданы тома 1–8, до конца 1917 г. вышли 33 тома, некоторые тома, опубликованные после революции, были подготовлены к изданию до 1917 г. Несмотря на то, что С.А. Муромцев умер в 1910, М.М. Ковалевский в 1915, К.А. Тимирязев в 1920, Ю.С. Гамбаров в 1926 г., полный состав редакции указывался на титульном листе до 52 тома, с оговоркой — «до 33 тома». Большинство томов печатались без указания на год издания. Последний 58 том издан в 1940 г.